

О. Н. Селиверстова

ТРУДЫ ПО СЕМАНТИКЕ

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

О. Н. Селиверстова

ТРУДЫ
ПО СЕМАНТИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
С 29

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 03-06-87043

Селиверстова О. Н.

С 29 Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с. –
(Studia philologica). (Вклейка после с. 320)

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0020-2

В книге представлены наиболее значительные монографические работы О. Н. Селиверстовой, вышедшие в свет с 1975 по 1998 годы. Они посвящены фундаментальным общетеоретическим и методологическим проблемам семантики: значению, верификации семантических гипотез, компонентному анализу. Наряду с этим они включают комплексное описание различных микросистем языка: местоимений, глаголов мышления и восприятия, бытийных и посессивных моделей, предлогов, а также углубленный анализ коммуникативной структуры высказывания. В семантических исследованиях широко используется разработанная и обоснованная автором экспериментальная методика. В совокупности работы представляют современную семантическую теорию, построенную на основании анализа обширного языкового материала. Разнообразие научной проблематики, глубина и оригинальность подхода автора делают книгу неоценимой для лингвистов самых разных направлений.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина
И. Э. Грабаря, «Февральская лазурь», 1904 г.*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

© О. Н. Селиверстова, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	11
1. ОБ ОБЪЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ И АДЕКВАТНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ.....	25
Библиография	55
2. НЕКОТОРЫЕ ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ГИПОТЕЗ И ИХ ВЕРИФИКАЦИЯ	57
Гипотезы, не проверяемые в рамках лингвистики	62
Аспекты лингвистических гипотез, не связанные с экспериментальной проверкой	71
Компонентный анализ и его обоснование	81
Эксперимент в семантике.....	92
Библиография	108
3. КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ.....	111
От автора	113
Глава I. Теоретические предпосылки исследования.....	114
Выделение объекта исследования	115
Метод исследования	125
Методы проверки результатов исследования	126
Полисеманτικότητα и многовариантность	131
Глава II. Глагол <i>иметь</i> и конструкция типа <i>У меня (есть)</i>	134
Описание глагола <i>иметь</i> в лингвистической литературе.....	135
Признаки экзистенциональности.....	139
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант а ₁).....	145

Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя этого действия (вариант а ₂).....	155
Сочетания типа <i>иметь возможность, иметь основание</i> (вариант а ₃).....	159
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант а ₄)	161
Информация о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту (вариант а ₅).....	162
Информация о наличии элемента собственности (вариант а ₆).....	164
Информация о нахождении в физическом пространстве и в пространствах типа «институт» (варианты а ₇ и са).....	165
<i>Глава III. Глагол принять</i>	168
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант а ₁).....	170
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя действия (вариант а ₂).....	178
Сочетания типа <i>принять командование, принять совет</i> (вариант а ₃).....	186
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант а ₄)	191
Информация о наличии объекта, одно из свойств которого есть отношение к другому объекту (вариант а ₅).....	196
Информация о наличии элемента собственности и о нахождении в физическом пространстве (варианты а ₆ и а ₇)	197
Информация о нахождении в системе или классе, представителем которого является денотат подлежащего (вариант са)	201
Информация о включении в системы отображения (вариант а ⁵).....	213
<i>Глава IV. Глагол получить</i>	220
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант а ₁).....	220
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» производителя действия (вариант а ₂).....	230
Сочетания типа <i>получить право, получить возможность</i> (вариант а ₃)	231
Информация о наличии действия или его результата в сфере «существования» адресата действия (вариант а ₄)	232
Сочетания типа <i>получить выгоду, получить деньги</i> (варианты а ₅ и а ₆).....	234
Информация о нахождении в физическом пространстве (вариант а ₇).....	240
<i>Глава V. Глагол дать</i>	245
Информация о наличии свойства, чувства, представления (вариант а ₁).....	247
Информация о наличии действия или его результата (варианты а ₂ и а ₄)	250
Сочетания типа <i>дать возможность, дать на анализ, дать на рецензию</i> (варианты а ₃ и а ₅).....	256
Информация о наличии элемента собственности (вариант а ₆).....	256

Глава VI. Глагол <i>взять</i> (<i>брать</i>).....	265
Информация о наличии свойства (вариант a_1)	266
Сочетания типа <i>взять слово</i> и типа <i>взять на себя хлопоты</i> (варианты a_2 и a_3)	268
Сочетания типа <i>взять обещание</i> , <i>взять на поруки</i> (варианты a_4 и a_5)	270
Информация о наличии элемента собственности (вариант a_6).....	271
Информация о нахождении в физическом пространстве (вариант a_7).....	276
Информация о нахождении в системе, в которую входит или представителем которой является денотат подлежащего (вариант a_8).....	284
Информация о включении в систему отображения (вариант a^9)	288
Заключение	293
Основные результаты	293
Выводы	297
 4. КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ ТИПА <i>TAKE</i>	305
Глагол <i>take</i> в группе глаголов мышления	312
Глагол <i>take</i> и признак «фактивности/нефактивности»	312
Признак «лично/нелично-обусловленного суждения»	316
Глаголы <i>take</i> , <i>assume</i> и глагол <i>полагать</i>	322
Понятие вторичного внутреннего восприятия	326
Типы высказываний	329
Способ построения отображения	336
Глагол <i>take</i> как глагол внутреннего восприятия	338
Информация о включении в мироощущение, видение мира	345
Общие признаки анализируемых значений	349
Признак «нахождение в пространстве, связанном с X тем или иным отношением» ($Ex_2 SX$).....	349
Другие признаки анализируемых слов.....	364
Библиография	373
 5. МЕСТОИМЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ.....	375
Введение.....	377
Глава I. Общетеоретические предпосылки исследования	380
1. Значение и денотат	380
2. Коммуникативная структура высказывания	392
3. Семантическое представление актанта ситуации	399
Заключение.....	404
Глава II. Семантические и референциальные свойства местоимений	406
1. Общая трактовка местоименного значения местоимения <i>я</i> , <i>ты</i>	406
2. Местоимения третьего лица, местоимение <i>это</i>	418

3. Языковое понятие существования и квантор существования.....	429
Заключение.....	435
<i>Глава III. Местоимения с -нибудь и -то.....</i>	<i>437</i>
1. Обзор литературы.....	437
2. «Местоименность» -то и -нибудь.....	447
3. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, соотносимых с планом будущего.....	450
4. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, описывающих многократное событие.....	465
5. Местоимения с -то и -нибудь в высказываниях, описывающих однократное реализованное событие.....	476
6. Местоимения с -то и -нибудь в обобщенных высказываниях.....	484
7. Местоимения с -нибудь и ни-.....	491
Заключение.....	502
<i>Глава IV. Местоимения с -one и -body</i>	<i>507</i>
1. Концепция Д. Болинджера.....	507
2. Someone/somebody при описании однократного реализованного события.....	512
3. Someone/somebody при описании других типов событий.....	516
4. Типы денотации.....	518
5. Другие производные с -one и -body	523
Заключение.....	528
<i>Глава V. Любой и any.....</i>	<i>529</i>
1. Обзор литературы и постановка задач	529
2. Признак заполнения актантной позиции в значении слова <i>любой</i>	531
3. Обобщенные высказывания	539
4. Сопоставление <i>any</i> и <i>любой</i>	544
Заключение.....	547
Общие выводы.....	549
Библиография	552
6. КОНТРАСТИВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА.	
ОПЫТ ОПИСАНИЯ	557
Введение.....	559
<i>Глава I. Экзистенциальность, локативность и посессивность</i> <i>в русском языке. Типы предикатов</i>	<i>563</i>
1. Экзистенциальность и пространственность.....	564
2. Понятие посессивности	577
3. Типы предикатов с глаголами <i>быть</i> и <i>иметь</i> в рамках лексико-грамматической классификации предикатов.....	585
Заключение.....	602

<i>Глава II. Понятие синтаксической модели и актуальное членение.....</i>	<i>605</i>
1. Синтаксическая модель	605
2. Коммуникативная перспектива высказывания. Актуальное членение ...	613
Заключение.....	627
<i>Глава III. Модели с есть и нулевой связкой.....</i>	<i>628</i>
1. Различие по признаку наличие Y-а/качественная идентификация Y-а ...	628
2. Наличие в множестве/наличие вне множества.....	633
3. Кванторно-экзистенциальное значение	641
4. Контрастивная функция модели «Y X-a Y».....	645
5. Признак «протекание/наличие»	648
Заключение.....	652
<i>Глава IV. Общая характеристика экзистенциальности и посессивности</i> <i>в английском языке.....</i>	<i>654</i>
1. Конструкция с there в сопоставлении с русскими экзистенциальными предложениями	655
2. Общая характеристика модели «X has Y» и ее сопоставление с моделью «there is Y».....	666
Заключение.....	676
<i>Глава V. Конструкция «there is Y (Loc)»</i> <i>и нелокативная модель «Y V (Loc)» в их противопоставлении</i>	<i>679</i>
1. Признак «включенность Y-а в пространство в качестве его составной части».....	680
2. Фактор времени в значении конструкции «there to be»	686
3. Различия в коммуникативной перспективе.....	688
4. Модель «Loc is Y»	699
5. Модель «Y is Loc»	700
Заключение.....	702
Общее заключение	704
Библиография	710
Summary	715
7. РУССКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИСТАНЦИОННЫЕ ПРЕДЛОГИ И НАРЕЧИЯ.....	719
Предисловие	721
<i>Введение. Обзор литературы и постановка задач исследования</i>	<i>724</i>
1. Синтагматический/парадигматический подходы.....	724
2. Представление об инвариантности/полисемантической как отправная точка исследования.....	727
3. Описание в системе геометрических и функциональных понятий	730
4. Когнитивная/концептуальная лингвистика.....	735
5. Ситуационная семантика	743
6. Задачи исследования	745

<i>Глава I. Подгруппы пространственно-дистанционных предлогов и наречий в русском языке.....</i>	<i>754</i>
1.1. Семантика дистанционных наречий <i>близко/далеко</i>	754
1.2. Семантика пространственно-дистанционных наречий <i>вдали, вблизи, невядалеке</i>	762
1.3. Семантика предлога <i>близ</i>	785
1.4. Семантика слова <i>поодаль (от)</i> и предложной группы <i>в отдалении (-ные)</i>	795
Заклучение.....	813
<i>Глава II. Пространственно-посессивные отношения.</i>	
Понятие «области» ориентира (релятума).....	816
2.1. Семантика предлога <i>у</i>	816
2.2. Семантика слова <i>возле</i>	850
2.3. Семантика слова <i>около</i>	878
Заклучение.....	901
<i>Глава III. Понятия «рядности» и «окрестности»</i>	<i>903</i>
3.1. Семантика слова <i>рядом</i>	903
3.2. Семантика слова <i>поблизости</i>	922
Заклучение.....	930
Заклучение. Основные результаты.....	931
Библиография	942
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ О. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ.....	946
ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ О. Н. СЕЛИВЕРСТОВОЙ	950
УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ.....	952
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ольга Николаевна Селиверстова была выдающимся русским лингвистом, оставившим после себя фундаментальные труды по многим, в том числе общетеоретическим и методологическим, проблемам семантики. В ее работах формулируются проблемы, рассматриваются явления и понятия, составляющие базис современной общесемантической теории. Это — объект лингвистической семантики, верификация семантических гипотез, многозначность слов, константность и вариативность в семантической структуре слова, синтаксическая семантика и др. Широкую известность в России и за рубежом получили ее труды по семантическому анализу многозначных слов, семантике предикатов и местоимений, контрастивной синтаксической семантике, пространственно-дистанционным предлогам и наречиям, семантике совершенного вида. Многие из поставленных ею задач предвосхищают современные продуктивные направления лингвистических исследований. Одной из первых она обратилась к изучению семантики особых классов слов — местоимений, предлогов. Пионерскими являются ее работы в области синтаксической семантики, теории коммуникативной перспективы. Она в значительной степени оживила интерес к сопоставительной семантике. Особенностью ее творчества было применение к лингвистическому материалу исследовательских принципов, воспринятых из естественных наук. Она считала, что лингвистика должна брать пример с физики, в которой базовые законы остаются незыблемыми, и развитие представлений о природе в результате получения новых данных лишь надстраивается

над этими законами, корректирует, но не отменяет их. Она писала, анализируя положение в лингвистике [Селиверстова // *Вопр. языкознания*. 2002. № 6]: «Если не считать открытий нового предмета исследования, смена парадигм (во всяком случае в точных науках), как правило, происходит в результате разработки более тонких методов исследования, которые позволяют получить новые данные... В отличие от этого, весьма частые смены парадигм в лингвистике XX века в значительной степени (не всегда, конечно) были вызваны не получением новых данных о языке, а сознательным или бессознательным стремлением упростить объект исследования с тем, чтобы к нему были применимы более точные методы». Ольга Николаевна с самого начала своей научной деятельности считала, что упрощение такой сложной системы как язык недопустимо и что лингвистика остро нуждается в надежных данных, которые можно получить только с помощью экспериментальной работы с живым языком. Следовательно, считала она, необходимо создавать методики, дающие точное описание языковых явлений, и эти описания должны иметь предсказательную силу. Непременным условием повышения точности семантического описания она считала тщательную разработку понятийного аппарата. Одной из причин указанной выше частой смены научных парадигм в лингвистике XX века была, среди прочего, и неопределенность понятийного аппарата «традиционных» лингвистических теорий.

Ольга Николаевна разработала экспериментальные методы исследования, имеющие много общего с методами естественных наук. Она считала, что лингвистические исследования должны строиться следующим образом: постановка задачи, сбор языкового материала, и построение гипотезы, описывающей изучаемое явление (его компоненты). Затем — поиск «отрицательного» материала (в терминологии Л. В. Щербы), который используется как основной инструмент для обнаружения недостатков постулируемой гипотезы. С помощью «отрицательного» материала производится коррекция гипотезы, и, наконец, объяснение новых сторон явления в свете скорректированной гипотезы, т. е. демонстрация ее предсказательной силы. Полученные таким образом в рамках экспериментальной семантики материалы позволяли Ольге Николаевне чувствовать себя уверенно и независимо от различных «лингвистических мейнстримов», время от времени шумно возникавших и постепенно исчезающих из поля зрения ученых. Она всегда занимала независимую позицию в науке и в каждом вновь возникающем направлении стремилась прежде всего оценить его сильные и слабые стороны и его место в общем русле лингвистики. Созданные ею экспериментальные методики позволяли получать данные такой глубины и полноты, которые делали их фундаментальными. Ольга Николаевна была убеждена, что семантика должна стать точной наукой и пока ею не стала лишь вследствие невероятной сложности предмета.

Ольга Николаевна обладала не только глубоким аналитическим умом, но и необычайной языковой интуицией. Она никогда не останавливалась на очевидных семантических противопоставлениях, но стремилась объяснить все, что этими противопоставлениями не объяснялось, и находила в этой работе драматизм и захватывающий интерес первоиспытателя. Только тогда, говорила она, когда будут учтены все мельчайшие детали и объяснены все кажущиеся несуразности, возникнет ясная теория и задача будет решена. Становится все более несомненным, что только такой подход и определяет высокий уровень и научную достоверность лингвистических исследований.

Предлагаемые в данном издании монографии и статьи О. Н. Селиверстовой — лишь часть ее научного наследия. Прежде чем несколько более подробно остановиться на этих работах, расскажем здесь о ней самой.

Родители Ольги Николаевны принадлежали к старой русской интеллигенции. Отец, Николай Александрович Селиверстов, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Он был широко образованным человеком, как и многие интеллигенты его поколения. Историк по первой своей профессии, он скоро понял, что нормальной работы по истории в тогдашних условиях быть не может, и в начале 30-х гг. заочно окончил МВТУ и стал инженером. В 1941 г. он был призван на фронт, был командиром роты саперов и погиб в 1943 г. на Курской дуге. Мать — Нина Николаевна Скибневская, окончила биолого-почвенный факультет Московского университета и всю жизнь проработала во Всесоюзном институте растениеводства. Она выводила новые сорта картофеля и районировала их. Один из сортов был назван «Ольга» — в честь дочери. Дедушка, Александр Николаевич Селиверстов, инженер-технолог, был одним из основателей промышленной вентиляции в России. Вместе со своим братом Глебом Николаевичем до революции владел фирмой, пользовавшейся высокой репутацией. Жена Александра Николаевича, Нина Васильевна, в девичестве Залуцкая, происходила из среды украинского духовенства. Ее брат, Леонид Васильевич Залуцкий, был, до своей смерти в блокадном Ленинграде, бессменным директором Института мер и весов.

Знакомыми и близкими друзьями родителей Ольги Николаевны были Петр Саввич Кузнецов, Владимир Иванович Нюберг, Александр Иванович Смирницкий и многие другие. Отец Ольги Николаевны и его брат, Глеб Александрович (математик, репрессированный перед войной и также погибший на фронте в 1943 г.), в юности дружили с Андреем Николаевичем Колмогоровым.

Ольга Николаевна была жизнерадостным, увлеченным человеком. Она много и напряженно работала, а отдых находила в новых впечатлениях, встречах с друзьями, интересных путешествиях. Она любила летние туристические походы. Вместе с мужем и друзьями, в 60-е гг. много ходила и ездила по Русскому северу (Мариинская система, Кирилло-Белозерский монастырь, Ки-

жи, Валаам, Соловки), ходила в горные походы — через кавказские перевалы Донгуз-Орун, Алибек, Клухор, Морды (от аула Хурзук в Сванетии), Кулак (на плече пика Тихтинген), — к Черному морю. В 70-х были пройдены на байдарках маршруты по рекам Молога, Свольня, Великая, Жиздра, по реке Сиг на Кольском полуострове и далее, вдоль побережья по Белому морю, а также по Волге — вниз от Волгограда.

Ольга Николаевна была интеллигентным, разносторонне образованным, тонким и обаятельным человеком. Дома у нее часто собирались друзья, и она была душою всякой беседы, умея находить общечеловеческое в частном и превыше всего ставя основные жизненные ценности — добро и сострадание к слабейшим. Ко всем, кто составлял ее круг общения — родным и друзьям, ученикам (часто становившимся друзьями) и соседям по дому — она относилась с исключительным теплом и участием.

Вся ее жизнь была отдана науке.

При составлении *curriculum vitae* в конце девяностых, Ольга Николаевна так писала о себе: «Тридцать пять лет работы в области семантических исследований, посвященных: а) общетеоретическим и методологическим проблемам, б) описанию различных семантических микросистем (местоименных, глагольных и предложных групп, синтаксических моделей), в) анализу коммуникативной структуры высказывания. Около 70 публикаций, в том числе 6 монографий, две из них с соавторами. Некоторые работы опубликованы во Франции, Германии, Австрии, Венгрии. В течение ряда лет сотрудничаю с французскими лингвистами. В настоящее время — руководитель (с русской стороны) русско-французского проекта „Служебные слова в русском языке“ (1999—2002 гг.). Регулярно веду семинары в Институте языкознания РАН по экспериментальной семантике, периодически читаю лекции в институтах Москвы и других городов (Курск, Ижевск, Минск, Вильнюс). Отдельные лекции читала во Франции (Paris-7, INALCO, Университет Aix en Provence) и Италии (Университет Флоренции).

Научные интересы: 1) Природа языкового значения и типы его семантической структуры, проблема разграничения денотата (референта) и значения, полисемия и ее типы, лексическое и грамматическое значение. 2) Организация информации высказывания (коммуникативная перспектива, членимость/слитность, фокус контраста). 3) Методы верификации (эксперимент в семантике). 4) Семантика различных микросистем (предлогов, местоимений, экзистенциальных и посессивных моделей, и т. д.)...

Основные достижения и результаты: 1) Развитие и внедрение экспериментальной методики исследования семантики. 2) Применение компонентного анализа не для извлечения системных данных из словарных статей, а как

часть исследовательской процедуры, включающей в себя экспериментальную проверку постулируемых компонентов. 3)...». Дальше написать она не успела.

Ольга Николаевна обладала редким качеством — соединением таланта и творческого созерцания. Именно это качество, как отмечал замечательный русский философ И. А. Ильин, рождает выдающихся ученых, поэтов, писателей, художников. Ей был близок тип ученого, который годами, иногда всю жизнь, вынашивает свои идеи. Она была строга к себе и не позволяла ни себе, ни своим ученикам публиковать работы, если результаты недостаточно проверены и доказаны. Работа велась постоянно: в отпуске, во время прогулок, в беседах с учениками и друзьями. Для учеников она не жалела сил и времени. Под ее руководством были защищены 18 кандидатских и две докторские диссертации. Ее учениками были начинающие лингвисты из Москвы и Подмосковья, Прибалтики, Украины, Средней Азии, Вьетнама. По-разному сложилась их судьба, но нет ни одного, кто бы ни сохранил чувства радости и благодарности судьбе за встречу и работу с таким талантливым, светлым человеком и ученым. Как истинный ученый, она заражала и других исследовательским азартом. Но при этом она всегда подчеркивала необходимость самого ответственного отношения к предмету исследования. На своем примере она показывала, как важно уметь быть настойчивым и терпеливым при получении и проверке научных результатов. Для Ольги Николаевны каждый аспирант был прежде всего личностью. Она вообще умела уважать и ценить индивидуальность другого человека. В то же время каждый новый ученик осознавал, что он включается в ее научную школу.

О. Н. Селиверстова начала свой путь в науке в начале 1960-х гг., когда семантика еще только складывалась в самостоятельную лингвистическую дисциплину и основополагающие для нее понятия, такие, как значение и структура языкового знака, принципы организации значения, методика семантического исследования, способы семантического описания и др. были еще не выработаны, либо не были общепринятыми и подвергались постоянному пересмотру. Уже в первых ее публикациях и в теоретической части кандидатской диссертации, посвященной описанию значений местоимений, защищенной в 1965 году, разрабатываются теоретические основы семантических исследований. Анализ этих фундаментальных проблем, определяющих подход к частным исследованиям, в той или иной степени присутствует и во всех ее последующих работах. Она периодически возвращалась к ним, углубляя и уточняя их понимание. Основной задачей семантики она считала открытие и точное описание сложных концептов, заключенных в словах. Это позволило бы создать адекватные действительности словари и грамматики. Она полагала, что в семантике нет так называемых «узких» и «широких» тем. Ей были близки

идеи Л. В. Щербы, считавшего, что описание значения даже одного слова может быть предметом монографии. Оценивая пути, пройденные лингвистикой в XX веке и ее задачи на будущее, она приравнивала открытие сложных концептов, заключенных в семантике слов, к открытию частных законов в естественных науках. Она была убеждена, что глубокие теоретические обобщения невозможны без того, что иногда называют «практическими» исследованиями, относя к ним все конкретные языковые исследования и их результаты. Она считала, что в семантике, так же как и в точных науках, следует говорить об общей теории и о частных теориях, описывающих ограниченное число явлений, поскольку адекватное описание семантики определенной группы слов (или даже слова) имеет несомненное теоретическое значение и служит основой для теоретических обобщений. Она любила говорить, что появление большого числа таких частных семантических исследований, выполненных учеными-единомышленниками, создаст базу для качественного скачка в теоретической лингвистике, определяемого в конечном счете осмыслением и обобщением этих исследований. В этом она видела путь развития не только семантики, но и всей лингвистики в новом столетии.

Трудно кратко охарактеризовать научную значимость работ, вошедших в публикуемые труды. Возможно, они будут по достоинству оценены лишь в будущем. Ольга Николаевна несомненно опережала в своем творчестве время, в которое жила. Но не менее важно, что в ее трудах прослеживается духовная связь с такими выдающимися русскими лингвистами, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, М. М. Покровский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий.

Избранные труды О. Н. Селиверстовой включают наиболее значительные публикации, вышедшие в свет с 1975 по 1998 гг. Это монографии и статьи, посвященные общетеоретическим и методологическим проблемам семантики. Открывают избранные труды три разные по объему, но не уступающие друг другу по значимости работы: «Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания», «Некоторые типы семантических гипотез и их верификация» и «Компонентный анализ многозначных слов». Центральное место в них занимают такие основополагающие для семантики проблемы, как значение, методика его исследования, многозначность.

То или иное понимание значения, как всегда считала Ольга Николаевна, оказывается решающим фактором для каждой семантической теории и неизбежно сказывается на выборе предмета и методики исследования, и на его результатах. Понимание ею значения языкового знака как определенного смысла, содержания, закреплённого за означающим (в других терминах — концепта, «наивного» понятия), совпадает со взглядами таких лингвистов, как А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, А. И. Смирницкий, Д. Н. Шмелев и ряда других. Однако

она внесла важные уточнения в теорию значения, предложив рассматривать значение под углом зрения того, как оно реализуется при употреблении знака в речи. Смысл, закрепленный за языковым знаком в речи, составляет информацию, которую знак передает о своем денотате. Обоснованное в ее трудах понимание значения как информации, или определенного набора сведений, содержащихся в языковом знаке, оказалось принципиально важным для практических семантических исследований. Такое понимание значения позволяет решить вопросы разграничения значения и понятия, значения и денотата, значения и контекста, значения и экстралингвистических знаний. Это разграничение позволяет отделить объект семантики от связанных с ним, но не равнозначных сущностей. На примере исследования разнообразных групп слов, Ольга Николаевна показала необходимость последовательного разграничения значения и денотата, как принципиально разных явлений. При семантическом исследовании это разграничение необходимо проводить не только теоретически, но и практически (что гораздо сложнее), чтобы не подменить описание значения описанием денотативной ситуации. Такой подменой грешат, в той или иной степени, многие семантические работы. Денотативная способность слова понималась ею как производная от значения. Только те объекты или явления могут быть денотатами слова, свойства которых соответствуют информации, заключенной в слове. Отводя проблеме денотации важное место, она все же считала, что для лингвистики важно не то, чем в действительности является денотат, а как говорящий представляет его в речи. На протяжении всей жизни ее интересовал вопрос организации и формирования значения. Опыт работы убедил ее, что в основе языковых значений лежат очень сложные концепты, которые остаются не раскрытыми во многих «обедненных» семантических описаниях. Чрезвычайно сложной представляется и проблема формирования значения. В своих поздних работах, посвященных главным образом семантике предлогов, Ольга Николаевна пришла к выводу о существовании «промежуточного» уровня, на котором происходит формирование значения. Она считала справедливыми взгляды лингвистов психологической школы конца XIX — начала XX века, в частности, А. А. Потебни, в соответствии с которыми образование концептов (значения) происходит не на уровне восприятия, а на более высоком уровне переосмысления получаемой извне информации. Именно на этом втором уровне концептуализации (формирования значения) могут осуществляться конвенциональные осмысления денотативной ситуации. О такой возможности узуального видения какой-либо ситуации Ольга Николаевна говорила еще в ранних своих работах, задолго до появления понятия «лингвокультурного предвыбора», введенного Талми. В пользу существования «промежуточного» этапа, с ее точки зрения, говорит не только указанная возможность закрепления в языке узуального осмысления каких-либо классов объектов, си-

туаций, но и возможность описания одной и той же денотативной ситуации иногда через целый набор синонимических выражений. Последнее, по ее мнению, свидетельствует о том, что «говорящий знает» о денотативной ситуации больше, чем сообщает о ней в каждом отдельном высказывании. Введение этапа доязыковой концептуализации позволяет объяснить многие особенности поведения языковых знаков в речи. Однако детально разработать этот вопрос Ольга Николаевна уже не успела.

Важное место в предлагаемых публикациях занимает методика семантических исследований. Для анализа семантики многих групп слов, в частности синонимов, актуальным является компонентный анализ, хотя, конечно, этот метод не универсален. В трудах Ольги Николаевны дается обоснование компонентного анализа и указываются ошибки, связанные с его применением. Применение метода, существующего в большом количестве вариантов, зависит от понимания природы значения, цели использования метода и понимания необходимости соединения его с верификационными процедурами. Опыт работы Ольги Николаевны убедил ее в том, что интегрально-дифференциальный принцип построения семантических микро- и макросистем (с которым и связана необходимость применения компонентного анализа) не является единственным. В одном из своих последних докладов, посвященных компонентному анализу, она говорила, что «интегрально-дифференциальные системы редко существуют в чистом виде. Другим важным принципом является холистическая противопоставленность, т. е. противопоставление одного значения другому, или другим значениям как целого. Взаимодействие этих двух принципов приводит к тому, что структура семантических групп не может, в большинстве случаев, быть описана полностью в виде „графа-дерева“».

Тем не менее, она считала, что интегрально-дифференциальный принцип все же играет огромную роль в организации семантических систем, что и определяет объяснительную силу компонентного анализа. Его последовательное применение привело Ольгу Николаевну к выводу, что даже отдельные компоненты, а не только значение в целом, могут соответствовать очень сложным концептам, объединенным в языковом значении с помощью внутреннего синтаксиса. В отличие от многих лингвистов, она никогда не связывала компонент значения с понятием примитива.

Выше говорилось, что Ольга Николаевна считала обязательным наличие объяснительной и предсказательной силы у семантических описаний. Не отрицая важной роли интуиции и интроспекции при семантическом анализе, она считала их недостаточными. Уже говорилось также, что она ориентировалась в своих исследованиях на строгость и точность естественных наук. Она детально разработала экспериментальную методику в семантике, соединив ее с другими методами, в частности, с компонентным анализом. Эксперимент в

семантике строится на целенаправленном варьировании разнообразных условий употребления и на поиске запретов в употреблении («отрицательного» материала). Обращение к эксперименту необходимо на всех этапах семантического исследования. Эксперимент должен быть не только средством получения точного описания значения, но и средством проверки достоверности и предсказательной силы полученных семантических описаний. Проблема организации эксперимента занимала ее на протяжении всей научной деятельности. Обоснованию применения в семантике экспериментальной методики отводилась значительная часть во многих ее работах. Научная значимость и необходимость эксперимента в семантике наглядно доказывается теми глубокими и оригинальными семантическими данными, которые установлены в ее работах с помощью этой методики. При этом Ольга Николаевна никогда не переоценивала возможностей формализации лингвистического анализа и математизации процедур описания. Как человек, тонко чувствующий богатую и сложную природу языка, она понимала, что формализованные описания зачастую дают упрощенное представление о языковой реальности, хотя и не исключала возможностей создания в будущем таких формализованных систем описания, которые не будут искажать языковую реальность. Основным критерием оценки той или иной модели семантического описания для нее было точное соответствие эмпирическим данным.

Следующая группа публикуемых в сборнике работ — это «Константность и вариативность в семантической структуре многозначных слов типа *take*», «Местоимения в языке и речи» и «Контрастивная синтаксическая семантика. Опыт описания». Первую из этих работ, опубликованную в 1978 году, можно считать программной в области семантики глаголов мышления, восприятия. В ней Ольга Николаевна внесла существенные изменения в трактовку широко вошедшего в лингвистику понятия фактивности Кипарских. Здесь впервые было показано, что за этим признаком стоят два различных по своей сути явления. Во-первых, это понятие о разных типах мыслительных процессов, представление о которых закреплено в семантике глаголов мнения и восприятия. Во-вторых, различие в истинностных характеристиках высказываний. Причем, последние являются производными от типа мыслительного процесса. Фактивные глаголы (например, *понимать*, *understand*, *воспринимать*, *знать*) указывают на такой процесс формирования мнения, который сводится к построению в сознании готового объекта отображения (строится как бы проекция, мысленная копия этого объекта). Нефактивные глаголы (*думать*, *think*, *считать*, *полагать*, и др.) сообщают о конструировании мнения из отдельных элементов ситуации (обычно, с помощью предшествующего опыта, знаний, представлений).

На истинностные характеристики также влияет целевая установка высказывания с этими группами глаголов. В работе впервые выделяются три целевых

типа высказываний, в которых могут употребляться глаголы мнения, восприятия. Введенные и обоснованные в этой работе лишь только для некоторых ведущих глаголов семантические признаки — «лично/нелично-обусловленно-го» суждения, понятие «вторичного» восприятия и его виды — являются фактически основными и приложимы для описания семантики данной группы слов в разных языках. Полученные результаты по существу указывают на направление дальнейших исследований в этой области.

Монография «Местоимения в языке и речи» явилась результатом обобщения многолетнего опыта, накопленного автором при исследовании семантики местоимений. Она содержит решение проблем, поставленных автором еще в кандидатской диссертации. Уже тогда Ольга Николаевна считала, что значение местоимений сложно, своеобразно, трудноуловимо, и не должно подменяться изучением их денотативных возможностей; оно, в частности, не более изменчиво, чем значение других слов. В монографии она выдвигает и обосновывает оригинальную концепцию местоименного значения, в соответствии с которой собственно лексическая часть значения местоимений складывается из двух компонентов: 1) из информации об уровне характеристики, или способе представления актанта ситуации с разной полнотой учета его свойств, и 2) из указания на «адрес» идентификации, т. е. указания на того или иного участника акта речи, или на элемент контекста, необходимых для характеристики актанта ситуации в соответствии с заданным способом его представления. Что же касается своеобразия местоимений в денотативном плане, то оно выступает по преимуществу лишь как следствие их семантических особенностей. Предложенная концепция местоименного значения является результатом тонкого, глубокого анализа микросистемы личных, неопределенных, кванторных и других местоимений в русском и английском языках.

Монография «Контрастивная синтаксическая семантика» написана на основе докторской диссертации «Экзистенциальность и посессивность в языке и речи», защищенной в 1983 году, и включает в себя ее основные положения и результаты. Как и в предыдущих монографиях, в ней обобщаются и углубляются результаты многолетних исследований автора, на этот раз в области синтаксической семантики, в частности, в семантике таких фундаментальных категорий, как категории экзистенциальности, посессивности и связанных с ними предикативных типов и синтаксических моделей в английском и русском языках. В монографию также вошли в качестве ее существенной части разработанные Ольгой Николаевной семантическая классификация предикатов и теория актуального членения. Среди наиболее важных теоретических достижений монографии, являющихся необходимым элементом общей теории семантики, можно назвать следующие: а) пространственная интерпретация экзистенциальных и экзистенциально-посессивных моделей и их детальное

семантическое описание; б) глубокая трактовка посессивности и разработка понятийного аппарата для описания этой категории; в) введение новых признаков в число классификационных оснований семантических типов предикатов и их семантическое описание; г) разработка теории актуального членения и понятийного аппарата для его описания, а также многие другие важные для семантики положения.

Следует особо остановиться на разработанной Ольгой Николаевной теории актуального членения. Она придала семантический статус объекту теории актуального членения, вследствие чего эта теория получила в ее работах содержательную интерпретацию. Важнейшим положением теории является разделение объекта теории актуального членения на ряд гетерогенных явлений, которые сложным образом взаимодействуют между собой. Как составляющие этой теории, выделены следующие явления: 1) функциональная перспектива, 2) «информативная» структура (соотношение 'известное/новое'), 3) акцентное выделение, 4) соотношение 'членимость/слитность'. Для описания коммуникативной перспективы было введено, в частности, понятие характеристики. Введение этого основного понятия позволяет показать, что в построении коммуникативной перспективы участвуют все члены предложения.

Последняя большая монография «Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках», опубликованная в серии SLAVISTISCHE BEITRÄGE издательства Otto Sagner, Мюнхен 1998, была написана совместно с Татьяной Николаевной Маляр. В этой работе Ольге Николаевне принадлежит первая часть: «Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия». В исследование включена обширная группа дистанционно-пространственных предлогов и наречий, большинство из которых долгое время оставались вне поля зрения лингвистов: *у, возле, около, рядом, неподалеку* и др. Близость значений этих слов и их использование для описания аналогичных денотативных ситуаций делает задачу исследователя особенно сложной и интересной и неизбежно связывает анализ языкового материала с решением центральных проблем семантики. В монографии дается детальный критический обзор существующих представлений о семантике пространственных предлогов и наречий и формулируются принципы их адекватного семантического описания. Ольга Николаевна считала, что при исследовании семантики предлогов особенно остро стоит уже упоминавшаяся задача разграничения значения и внеязыковых знаний о денотате, для чего необходима точная методика исследования, основанная на гипотетико-дедуктивном методе с верификацией гипотез на основе специально разработанных тестов. Она отмечала, что в ряде работ, посвященных семантике предлогов, происходит подмена языкового значения описанием различных денотативных ситуаций, к которым приложимы предложные сочетания. В монографии разработана стройная система

выделения значения предложно-наречных слов, учитывающая сложное соотношение языкового значения и его актуализации в речи; раскрыто построение семантической структуры исследуемой пространственной области; описаны прагматические факторы, сказывающиеся на условиях употребления предлогов; определена корреляция между типами высказывания и семантикой пространственного предлога и наречия.

Результаты проведенного исследования значительно расширили существующие представления о наборе понятий, необходимых для описания семантики пространственных предлогов и наречий. Наряду с традиционно используемыми в лингвистике концептами — поверхность, граница и т. п. — введены новые метапонятия, отражающие разные способы вычленения учитываемого в описании пространства. В работе сделаны важные для семантики этой группы слов выводы о разной роли концептов «пространство» и «расстояние» в семантической структуре различных предлогов и наречий, о переплетении пространственных и непространственных отношений в определении местонахождения объекта.

После написания монографии, Ольга Николаевна продолжала заниматься предложно-наречными словами и опубликовала несколько важнейших статей по этой тематике. Свой интерес к словам этого класса она объясняла не только своеобразием и богатством их семантики; она рассматривала предлоги как материал, «полигон», для разработки и проверки общетеоретических положений. В своих последних работах она непосредственно связывает анализ значения предлогов с общими проблемами семантики. Так, традиционный вопрос о наличии у предлогов лексического значения она решает, вводя разные уровни описания. Используя конкретный языковой материал и надежную верификационную процедуру, она не только доказывает оправданность разграничения лексического и грамматического значений в семантической структуре предлогов, но и вскрывает сложный механизм их взаимодействия. Предложенная Ольгой Николаевной модель группировки значений предлогов по семантическим осям помогает увидеть связи между отдельными значениями и специфическое для каждого предлога соотношение лексических и грамматических значений. Эта модель в целом представляет общую семантическую структуру этих полисемантических слов более обоснованно и индивидуализировано, чем другие виды сетевой модели.

Под руководством О. Н. Селиверстовой написан ряд работ, исследующих семантику предлогов в русском, английском и вьетнамских языках. Не будет преувеличением сказать, что сложилась школа исследователей, которая в значительной степени обогатила существующие знания о способах и особенностях описания пространства в разных языках, о возможностях преобразования пространственных значений, о семантической структуре служебных слов.

Избранные труды О. Н. Селиверстовой включают лишь часть ее богатого творческого наследия. К сожалению, в них не вошли публикации, в которых наиболее полно освящается разработанная ею теория актуального членения. Не вошли в эту книгу глубокая и оригинальная работа об инвариантном значении совершенного вида — плод многолетних раздумий над этой сложной проблемой, а также статьи и большие работы последних лет ее жизни. Среди них важное место занимают статьи с анализом общетеоретических основ одного из ведущих направлений современной лингвистики — когнитивизма, и основных достижений и упущений семантики XX века. Кроме того, в трудах не представлены многочисленные статьи, опубликованные в разное время и посвященные, казалось бы, частным семантическим проблемам. Однако заинтересованный читатель, несомненно, не пройдет мимо и этих, на наш взгляд, бесценных для семантики работ.

1.

**ОБ ОБЪЕКТЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
И АДЕКВАТНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ**

Раздел в коллективной монографии «Принципы и методы семантических исследований». М.: Наука, 1976. С. 119—146.

Одна из особенностей лингвистики заключается в трудности выделения самого объекта исследования. Споры о том, где проходит граница между языком и речью, что представляет собой язык, ведутся до настоящего времени. От ответа на эти вопросы во многом зависят и те цели, которые будут ставиться перед языкознанием, и те методы, которые при этом будут выбираться.

1.1. В своей статье «Логические основы лингвистической теории» Н. Хомский [Хомский 1965] писал о том, что в настоящее время четко выделяются две противоположных точки зрения на язык: 1) язык понимается как систематизированный инвентарь единиц (эта точка зрения, связанная, в частности, с именем Ф. де Соссюра, разделяется сейчас многими лингвистами); 2) язык отождествляется с системой порождающих процессов. Эта последняя точка зрения, восходящая к некоторым положениям гумбольдтовской концепции языка, поддерживается Н. Хомским и его последователями. Используемый ими термин «порождение» давал основание предположить, что Хомский считает главной задачей лингвистики описание процесса порождения речи, включающее, в частности, описание тех психо-физиологических процессов, которые происходят в говорящем или слушающем при осуществлении речевой деятельности. Однако поясняя содержание данного термина, вызвавшего столько споров и противоречивых толкований, Хомский писал о том, что он не ставит своей целью моделирование процесса говорения или восприятия речи, что порождающая грамматика «стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим — слушающим. Когда мы говорим о грамматике, что она по-

рождает предложение с определенным структурным описанием, мы просто имеем в виду, что грамматика приписывает предложению это структурное описание» [Хомский 1972: 14].

Действительно, в работах Хомского не строится реальная модель процесса говорения и восприятия: он не пытается воссоздать верную и полную картину психо-физиологического механизма этих процессов и, кроме того, исключает из рассмотрения денотат речевого сообщения, отношение к которому и лежит в основе речевого акта [Звегинцев 1973]. Тем не менее возникновение противоречивых пониманий исходных положений Н. Хомского не является, как нам кажется, случайным. И объясняется оно не столько тем, что лингвисты могут не понимать точного математического смысла термина «порождение» (в работах Н. Хомского этот термин получает и чисто лингвистический смысл, связанный с определенной содержательной концепцией языка), сколько тем, что в его работах часто фактически описываются те или иные аспекты речевой деятельности, а не сам язык, а также тем, что его собственные утверждения иногда страдают нечеткостью, а иногда и противоречивостью. Например, в некоторых работах он прямо пишет, что «задачей лингвистической теории является построение и точное описание двух абстрактных устройств, из которых первое является моделью использования языка, а второе — моделью усвоения языка... Модель использования языка A — это устройство, которое ставит в соответствие предъявляемому высказыванию V структурную характеристику D , используя при этом порождающую грамматику G , которая в свою очередь порождает фонетическое представление R для высказывания V со структурной характеристикой D ... Модель обучения языку B — это устройство, которое на выходе дает теорию G , т. е. порождающую грамматику для некоторого языка» [Хомский 1965: 480—481].

Таким образом, здесь основным объектом лингвистики объявляется использование языка и обучение языку, а не сам язык. В других работах есть утверждения, в соответствии с которыми теория употребления выводится за рамки лингвистики и основным объектом исследования признается язык [Хомский 1972: 14—15]. Именно это последнее понимание выделяемого объекта исследования и позволяет Хомскому противопоставлять свою точку зрения сосюрювской. Однако в действительности даже в тех случаях, когда Н. Хомский говорит о языке, он часто наделяет его теми характеристиками, которые присущи речевой деятельности. Так, язык действительно используется в процессе порождения речи, но назвать сам язык процессом порождения — это значит отождествить средство с процессом его применения. Нет сомнения в том, что речевая деятельность носит творческий характер. Однако этот творческий характер нельзя приписать самому языку, как это делает Хомский.

В интерпретации Хомского, который исключает из своего рассмотрения отношение сообщения к денотату, обедняется сама суть творческого процесса: элемент творчества, если не считать возможность языкотворчества, которое, как справедливо считает Хомский, следует рассматривать отдельно, — вносится в речевую деятельность прежде всего в процессе отбора говорящим таких языковых знаков, которые передавали бы информацию, наиболее точно соответствующую свойствам описываемого объекта, тому, что говорящий хочет сообщить об этом объекте, а также согласующуюся с переданными ранее сведениями.

1.2. Наряду с определением языка как системы порождающих процессов в работах Хомского дается и другое истолкование языка, которое очевидно не тождественно первому. В соответствии с этим вторым пониманием язык есть порождающая грамматика, представляющая собой систему правил, «которые могут итерировать и порождать при этом бесконечно большое число структур» [Хомский 1972: 19].

Из предположения о том, что язык есть только система правил, следует, что все то, что до сих пор рассматривалось в качестве языковых единиц, в действительности создается в процессе речи, а не просто воспроизводится. Спор о том, что именно воспроизводится, а что создается в процессе речи, уже давно ведется в лингвистике. Однако никогда не возникали сомнения относительно того, что языковой код включает определенную систему единиц. Прежде всего, совершенно очевидно, что большинство слов не создается в речи, а используется в виде готовых единиц. По существу и в той модели языка, которую пытается построить Н. Хомский, слова представлены в качестве инвентаря знаков, задаваемых в словаре: его лексические правила оперируют с уже готовыми единицами, показывая, по каким критериям нужно отобрать из словаря лексическую единицу для того или иного порождаемого предложения.

Таким образом, фактически вторая концепция языка Хомского отличается от соссюрдовской не тем, что язык вообще не признается системой, включающей инвентарь единиц, а тем, что языковым единицам отводится гораздо меньшее место, и язык в основном предстает как система правил. Само представление о том, что в язык входит некоторый инвентарь правил нельзя считать новым. Однако их роль и место иначе оценивается в других языковых концепциях.

Понимание языка в основном как системы правил связано в концепции Хомского прежде всего с тем, что синтаксические модели рассматриваются как порождаемые определенной системой правил. Так, задаются правила расщепления некоторой единицы *S*, которая фактически в системе Хомского со-

ответствует замыслу создания предложения, на именную и глагольную группы ($S \rightarrow Np + Vp$) или же на именную группу, показатель грамматических характеристик глагола (Aux) и глагольную группу ($S \rightarrow Np + Aux + Vp$); далее вводятся правила членения глагольной группы на глагол плюс именная группа или глагол 'быть' плюс предикат и т. д.

Однако утверждение о том, что в языковом коде говорящих содержатся только правила создания синтаксических моделей, а не сами эти модели, не строится на психо-физиологических исследованиях и носит чисто произвольный характер. Возможно, данная гипотеза возникла под влиянием анализа формализованных языков, в которых синтаксис сводится к правилам оперирования с языковыми единицами. Однако это представление не может быть перенесено на естественные языки, в которых синтаксис имеет свою семантику. Отсюда следует, во-первых, что в языковом коде говорящих хранятся смысловые единицы, представляющие собой значения синтаксических моделей. Во-вторых, наличие синтаксических значений делает маловероятной гипотезу о том, что означающие этих единиц создаются только в акте речи¹. Скорее всего, они уже заданы в языковом коде, как и полагают многие современные лингвисты.

Синтаксические правила в концепции Н. Хомского делятся на два типа: это, во-первых, базовые правила, которые задают структурное описание так называемых ядерных предложений (к этому типу относятся рассмотренные выше правила), а, во-вторых, трансформационные правила, которые позволяют преобразовывать ядерные предложения. Например, строятся правила преобразования предложений с активным залогом в предложения с пассивным залогом. Сама по себе гипотеза о том, что существуют ядерные предложения и их трансформы является вполне возможной. Например, можно предположить, что в языковом коде говорящих «записаны» модели утвердительных предложений и есть правила преобразования этих предложений в вопросительные и отрицательные. Однако вероятной является и гипотеза о том, что структурные схемы всех типов предложений даны в готовом виде в языковом коде говорящих.

Таким образом, выделение ядерных предложений и их трансформ, является только гипотезой, которая нуждается в доказательстве. Больше того, есть много фактов, свидетельствующих о том, что даже если и существуют такие предложения, которые представляют собой трансформы других, их количест-

¹ Н. Хомский относит образование предложения к области языка, а не к области речи [например, Хомский 1956: 479], причем он имеет в виду не только создание структурной схемы предложения, но и заполнение синтаксических позиций соответствующими словами. Вероятно, это утверждение связано с пониманием языка, как системы порождающих процессов, о чем мы говорили выше. Из утверждения о том, что язык есть система правил, следует, как нам представляется, что образование с помощью этих правил предложений не принадлежит языку.